

МАРКСИСТСКО-ТАОИСТСКИЙ СИНКРЕТИЗМ. О ПРИЧИНАХ ИДЕЙНОГО УСПЕХА МАРКСИЗМА В КИТАЕ И ЕГО БУДУЩЕМ КАК ПАРАДИГМЫ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО МЫШЛЕНИЯ

*То, что кто-то будет начальником, а кто-то подчиненным, —
это не просто необходимо, но также целесообразно.
Бывают разные начальники и подчиненные.
В целом же, управлять хорошими подчиненными проще.
Так, например, управлять людьми проще, чем дикими зверями.
Это происходит оттого, что хорошие работники лучше работают.
Аристотель, трактат «О политике»*

[Перевод Larisa]

Аннотация

Для современных стран с развивающейся экономикой, таких как Россия или Китай, научная инновация является ключевым приоритетным направлением. Мнения ученых сходятся в том, что успех их развития будет зависеть от их способности производить новаторские идеи, но расходятся в анализе необходимых для инноваций факторов культурной среды. В древние времена интеллектуальный процесс, через который человечество приобрело знание, был, вероятно, универсальным. Древний Китай до династии Цинь достиг философского уровня примерно эквивалентного Древней Греции: направления их мысли разошлись в той части, когда древние греки во времена Аристотеля разработали логику, далее переработанную арабами в математику, а древние китайцы остались на уровне «лингвистической криптографии».

Таким образом, интеллектуальный процесс в Китае стал более догматичным около двух тысяч лет назад, что, судя по всему, в конечном итоге помешало развитию наук в Китае. На Западе процесс накопления знаний также направился в сторону теологии и оставался на этом пути на протяжении как минимум тысячи лет после централизации Римской империей и появления христианства как идеологии вплоть до возобновления научного познания в эпохи Возрождения и Просвещения.

Следовательно, ключевой вопрос, на который я хотела бы ответить, состоит в следующем: каковы факторы, которые создают среду для приобретения знаний или, наоборот, приводят к догматизму и предотвращают интеллектуальное развитие? Чтобы ответить на этот вопрос, интересно исследовать как культуры, на которые влияют восточные и западные религии и идеологии, по-разному рассматривают процесс познания.

Главный тезис этой статьи — Китаю следует стремиться к научному материализму западного типа, поощряющему научный поиск, а также сохранять пространство для духовного поиска.

Ключевые слова: Китай, марксизм, наука, инновации, инновационное мышление.

Автор

Смирнова Лариса Николаевна

Старший научный сотрудник
ЦЭМИ РАН,
кандидат политических наук
(КНР)

Политика — как отношения человека и власти — существует во все времена и во всех обществах. Говорить о политике на языке политологии, однако, было и есть принято далеко не всегда: историко-географические данные свидетельствуют скорее о том, что гораздо чаще о политике говорили на языке философии, литературы, кинематографа, а также других видов искусства, вплоть до математики.

О политике на языке политической философии в Китае говорит лидер государства: по негласным правилам игры от каждого лидера требуется обоснование своей теории управления: мысль Мао Цзэдуна, теория Дэна Сяопина и далее по списку.

О политике на языке бюрократии в Китае говорят чиновники.

О политике на языке литературы и разных видов искусства в Китае говорят интеллектуалы.

Многочисленный простой народ же, испокон веку обозначаемый здесь термином «лаобайсинь», говорит в Китае о политике на языке «приема пищи» (Лу Синь, «吃人的文化?»).

Лаобайсины не говорят о политике на языке политологии не в силу каких-то запретов, и, по моему искреннему теперешнему убеждению, отнюдь от этого не страдают, ибо человеку несвойственно страдать от отсутствия того, сама возможность существования чего ему неведома. За обедом лаобайсины говорят о политике только на конкретно-символическом языке пищи по причине того, что абстрактное знание, веками ревностно хранившееся в Китае в узких кругах грамотных литератов, по-прежнему доступно в полной мере лишь тем, кто получил, в каком-либо его варианте, западное образование.

Молчание, смущенные улыбки и лучи яркого южного солнца, которое является лучшим известным мне спасением от душевных мук, — все это в память о выборах с расширенным

партиципативным участием на экспериментально-реформаторском XIX съезде КПК.

Главное теоретическое открытие: китайское общество находится, будто бы по определению недавно опубликованной книги американского ученого Томаса Мак Эвиллея «Древние формы мысли», повествование о философии Индии в которой как нельзя актуально для Китая, на «этапе эпохального перехода от конкретного к абстрактному выражению мыслей», то есть примерно на концептуально-философском этапе времен Александра Македонского. Однако, по моему мнению, идущему вразрез с принятым ранее на Западе, находится оно на этом этапе настолько давно, что по-видимому останется там навсегда.

Подобное открытие, с ментальной точки зрения потенциально ставящее под сомнение, в глазах многочисленных новоиспеченных, вроде меня, чайна-комментаторов, все обоснование западных методов помощи экономическому развитию. Открытие, однако, отнюдь не новое для тех, кто занимался исследованиями мысли практически всех незападных народов от Африки до Океании.

Итак, стоящие перед Китаем идеологические вопросы примерно таковы: возможен ли технологический прорыв из мифов Древней Греции и Рима прямо к Спутникам и Звездам, «проходили ли мы, русские, это?», а также было ли Единобожие необходимым этапом для развития науки или же, напротив, ошибкой истории? (Истина, видимо, где-то посередине...)

Наконец, в масштабе мировой цивилизации повышение роли незападных культур ставит вопрос этико-эпистемологических дилемм, которые потенциально принесет за собой упадок христианских культур как ключевого мировоззренческого фактора, доселе напрямую увязывавшегося с вектором исторического прогресса.

Обзор литературы

Западная литература смотрит на процесс развития мысли с древности.

Российская литература сосредоточена на сравнении марксизма в России и Китае и ожидает, что марксизм провалится в Китае, так как он провалился в России.

Китайская литература испытывает на себе влияние западной литературы в большой степени и стремится соединить марксизм с «возрождением автохтонной китайской древней мысли», интересуется примером России как неудачным, но абсолютно не стремится его повторить.

Ракурсы восточной и западной философии

Предмет познания: мир рациональный vs мир иллюзорный. Человек обладает сознанием. К сознательному рациональному миру относятся науки общественные и науки естественные. В общественных (политических, литературных) науках проверяемость необязательна: мы можем условиться, например, что Ирина Н. — это Диоген Лаэртский, и далее между собой называть ее Диогеном или Хрустальной амфорой, или чем-то еще. На этом принципе строится, например, лингвистическая криптография.

В науках физико-математических, однако, должна быть проверяемость: если машина едет со скоростью 100 км/ч, то это или верно, или нет.

Кроме того, человек обладает воображением. К нему относятся сны, иллюзии, мечты, возможно, даже сумасшествие¹, религиозные мистерии и т. п.

Теория познания — на стыке этих трех вещей: мира общественного, мира физического и мира иллюзорного. Причем, как показывает опыт, в частности, Д. Менделеева, открытия мира физического часто делались сначала

благодаря интуиции в мире иллюзорном, а потом уже доказывались научно.

Метод познания как предмет философии науки. Философия науки часто сводится к дескриптивному или сравнительному описанию верных научных открытий и ошибочных представлений: например, ранее люди полагали, что Земля плоская, а потом Николай Коперник открыл, что она круглая и т. п. В этом духе изложения написана, например, брошюра *Philosophy of Science: a Very Short Introduction*².

Предметом философии науки, на самом деле, является метод познания, обозначаемый общим термином «эпистемология».

В разные исторические эпохи люди использовали разные методы для познания себя и окружающего мира. Древние люди использовали в этих целях мифологию, а современные люди могут использовать, например, компьютерные и суперкомпьютерные исчисления.

Например, всем известно, что в Древней Греции существовали «боги» и «герои». Богами, скорее всего, обозначали разные абстрактные понятия: мудрость, любовь, войну и т. п. Героями, скорее всего, обозначали мифологизированные образы исторических деятелей.

О происхождении богов интересно пишет Секст Эмпирик («Против физиков», 36): «Можно привести на память многих при жизни обоготворенных, а по смерти презираемых, если только они не стяжали названия богов, как, например, Геракл, сын Алкмены и Зевса. Ведь вначале, как говорят, он носил имя Алкея, но получил прозвание Геракла, который почитался у тогдашних людей в качестве бога. Поэтому издавна гласит молва, что в Фивах была найдена частная статуя Геракла со следующей надписью: «Алкей, сын Амфитриона,

¹ См.: Michel Foucault. *Madness and Civilization*.

² Okasha Samir. *Philosophy of Science: a Very Short Introduction*. 2nd edition. — Oxford University Press, 2002. — 144 p.

Гераклу в знак благодарности»» [1. — С. 249].

Парадигма познаваемости мира в философии Востока и Запада: наука и религия. В целом, в разных странах наука развивалась по-разному, например, в восточно-азиатской цивилизации, границы которой очерчивались зоной распространения письменности в виде китайских иероглифов, а следовательно, охватывавшей Китай, Тайвань, Вьетнам, Корею, Японию, в основном развились только общественные и политические науки, а не естественные, развитие последних же направилось в сторону религии (таоизм) и забуксовало на мифологическо-символическом уровне.

Философия науки не дает однозначного ответа на вопрос, почему на Западе произошел прорыв в области науки, а на Востоке его не произошло.

Хотя часто бывало так, что интуиция из области мира иллюзорного предшествовала естественно-научным открытиям, однако, микронезийские аборигены, например, через ритуалы поощряли развитие мира иллюзорного, но с наукой связать его не смогли (об этом см. научные работы James D. Sellmann, University of Guam).

В целом, пожалуй, можно, утверждать, что прорыв западного мира в области физики был в большой степени случайностью.

Научному прорыву, скорее всего, способствовало, то, что на Западе многие люди стремились и верили, что смогут мир познать, причем на протяжении веков конечной точкой познания в западной философии считалось «доказательство существования Бога». Востоку же в большей степени, чем Западу, присуще принятие «неполной познаваемости мира». Символ — сады камней в Японии. С какой бы точки вы ни смотрели, из 5 камней видно максимум 4. При этом непознаваемость мира природного предлагалось принять.

В этой связи особенно следует отметить роль агностического направления, с одной стороны, признававшего

неполную познанность мира, с другой стороны, в разной степени верившего (в отличие от направления скептического) в возможность такого познания и стремившегося к такому познанию.

Mainstream философия Востока дала на вопрос познаваемости природы ответ, близкий концепции философского направления западных скептиков. Об этом хорошо пишет Бертран Рассел: «It should be observed that Scepticism as a philosophy is not merely doubt, but what may be called dogmatic doubt. The man of science says, "I think it is so-and-so, but I am not sure". The man of intellectual curiosity says, "I don't know how it is, but I hope to find out". The philosophical Sceptic says, "Nobody knows, and nobody ever can know". It is this element of dogmatism (sic!) that makes the system vulnerable. Sceptics, of course, deny that *they assert the impossibility of knowledge dogmatically*»¹.

Место человека по отношению к Природе. Наиболее близким греческому мировоззрению среди религий Востока является автохтонная религия Китая — таоизм (буддизм, как известно, был импортирован из Индии), а также синтоизм в случае Японии. Эти религии также являются вариациями языческого анимизма.

В какой-то момент западные люди решили, что «анимизм» — это абсурд. Например, Секст Эмпирик, «Против физиков», 41, пишет: «Тогда надлежало бы считать богами и людей, особенно

¹ Bertrand Russel. History of Western Philosophy. Chapter XXVI, Cynics and Sceptics. Следует заметить, что скептицизм как философия является не просто сомнением, а тем, что можно назвать догматическим сомнением. Человек науки говорит: «Я думаю, что дело обстоит так-то и так-то, но я в этом не уверен». Человек, движимый интеллектуальным любопытством, говорит: «Я не знаю, каково это, но надеюсь узнать». Философ-скептик говорит: «Никто не знает и никто никогда не сможет знать». Именно этот элемент догматизма делает эту систему уязвимой. Конечно, скептики отрицали, что они догматически утверждают невозможность познания, но их отрицания не очень убедительны.

философствующих (поскольку они помогут нам в жизни), большинство неразумных животных (поскольку они разделяют наши труды), домашнюю утварь и все, что еще ничтожнее этого. Но во всяком случае это очень смешно...» [1. — С. 250].

Также Аристотель пишет в трактате «О душе»: «Фалес говорил, что божественное начало есть во всех предметах. <...> Например, у магнита есть душа, потому что магнит может быть источником движения»¹.

Однако большая часть восточной философии (например, японская) отнюдь не считает анимизм абсурдным! И, следовательно, с одной стороны, не предполагает «человеческого превосходства над природой», с другой стороны, вероятно, не допустила бы такого препарирования природы, на которое, в конце концов, после столетий интеллектуальной борьбы, решились жители Запада.

Роль войны в развитии науки. Еще одним аргументом, часто выдвигаемым в качестве объяснения развития науки, является война и необходимость производства и совершенствования вооружений.

В этой связи следует упомянуть и существование такого аргумента, будто бы на Востоке действительно было меньше войн, чем на Западе: те, кто любил воевать, переключались на Запад. Однако нужна статистика, чтобы узнать, правда ли это.

Как пишет современный корейский писатель Kim Hoop (1948 г. р.) в романе «Пение струн»², «кузнецы» на Востоке тоже играли большую роль, а под кузнецом понимался производитель оружия и торговец им.

Власть и условия для развития науки. Общественные науки имеют

главным предметом взаимоотношения власти и человека.

Основные атрибуты власти:

- контроль над распределением ресурсов,
- контроль над информацией,
- контроль над применением насилия.

Хотя есть разные теории происхождения власти, наверное, она появилась хотя бы потому, что люди имеют природное стремление преобразовать хаос в порядок путем какой-либо систематизации. В обществе такую систематизацию, а наука о классификации и систематизации также именуется «номенклатура» или «таксономия», сделать, в принципе, возможно, если рассадить людей в клетки и предписать им послушание: именно это и сделала политическая философия Конфуция и его последователей.

Впрочем, сам Конфуций был скорее энциклопедистом, наподобие Аристотеля, и писал не только о политике, но и о литературе, религии и т.п. Однако, когда конфуцианство стало официальной философией китайского государственного аппарата, что совпало с периодом централизации, но не закончилось больше никогда, то они заняли абсолютистские позиции во власти и маргинализировали более духовные направления, например, таоистов, заставив их занять крайне пассивную и отрешенную позицию в духе эксцентризма или «будь что будет».

То же произошло в странах-сателлитах. Например, после приговора его семье к истреблению жизнь эксцентричного отшельника вел популярный в народе корейский поэт XIX в. Kim Sakkat.

Политическую философию, оправдывавшую деспотизм, называют среди основных причин, по которым на Востоке не произошло развития науки: большинство, хотя и не все мыслители полагают, что для развития науки требуется среда духовного поиска, а следовательно, пространство для диалога, свободомыслия, свободы слова.

¹ Цитируется по: Томас Мак Эвиллей. Форма древней мысли, сравнительные исследования в греческой и индийской философии.

² Kim Hoop. Le Chant des Cordes. La Corée à l'Honneur, traduit du coréen par Han Yumi et Hervé Péjaudier. Editions «Gallimard», 2012.

При этом, однако, сутью любой полемике не должно быть, как во времена СССР, доказать во что бы то ни стало, кто лучше, кто хуже, кто прав, а кто виноват, а поиск Истины в ее наиболее научно-доказуемой форме.

Почему деспотизм не развился на Западе, а если это и случалось в определенные периоды истории (инквизиция), то в гораздо меньшей степени? Наверное, это как-то связано, задолго до того, как была изобретена концепция «сдержек и противовесов», с присущей Западу верой в неподконтрольный человеку «потусторонний мир» и «неземную справедливость» (ге: ад, страшный суд и т.п.), что делало власть абсолютной в человеческом обществе, однако, отрицало ее абсолютизм в Природе.

Следовательно, напрашивается вопрос, сможет ли буддизм, который был сознательно импортирован императором Ли Шиминем (VIII в. н.э.) и сейчас, кажется, поощряется на государственном уровне, сыграть роль таких этических моральных «сдержек и противовесов»?

Научно-философская парадигма: материализм и идеализм на Западе и Востоке

Суть понятий «идеализм» и «материализм» в теории познания. Прежде всего необходимо дать определение понятиям «материализм» и «идеализм». Например, многие путают понятие «идеализм» в значении «стремление к совершенству», то есть как антоним любимому китайскому понятию «прагматичность», с философским термином «идеализм», который означает веру в существование нематериального духовного начала в мире и человеке (например, Бог, душа и т.п.), в то время как материализм предполагает отсутствие такой веры. Спор между идеалистами и материалистами в теории познания сводится к вопросу о том, духовна ли или материальна мысль человека?

Хотя тайны происхождения человеческой мысли и сознания остаются на сегодняшний день неразгаданными, возвращаясь к вопросу научного поиска, прорыв в общественных науках без наук естественных, наверное, невозможен в принципе: еще Аристотель писал, что в отношениях между людьми итак все понятно (quote...).

Были, конечно, теории об изменении человеческой природы к лучшему путем, например, образования, в частности советский коммунизм, а также из западных мыслителей работы Stephen Pinker, но они, как мы знаем, вряд ли доказуемы.

Хотя отношения между властью и обществом действительно изменяются в разные исторические эпохи (ге: Маркс), а периоды относительной свободы слова и мысли сменяются периодами больших ограничений, в то время как на Востоке у власти находились конфуцианцы-материалисты, на Западе в это время находились у власти не материалисты, а идеалисты, не отказавшиеся от духовного поиска: христианская церковь тогда играла большую роль в европейской политике.

Современные же общественные науки в их cutting edge измерении, такие как когнитивные науки, психология и т.п., — по сути амальгама наук общественных и естественных. Такое впечатление, что, сделав через провозглашение превосходства человека над Природой круг, западные люди возвращаются на современном этапе к исследованию человека уже на атомном и субатомном, квантовом и т.п. уровнях.

Когнитивные исследования человека сейчас проводятся именно с позиций «научного материализма», когда ученые пытаются применить к человеческому мозгу и производимой им мысли, происхождение которой философские идеалисты объясняли духовно, законы физики.

Хотя такое смешение общественных и естественных наук многие

критиковали, но именно вследствие распространения наук естественных на изучение человека, начавшегося с медицины с созданием анатомии и хирургии, а на современном этапе представленного такими дисциплинами, как brain & neuroscience, и происходит сейчас новая революция в общественных науках.

Разумеется, если когда-то квантовая физика сможет привести материальные доказательства существования души человека или ее отсутствия, то это полностью трансформирует теологию и окажет огромное влияние на политические и общественные науки.

Политические последствия идеалистических и материалистических философских подходов. Западный научный материализм предполагает, что человек материален, то есть либо вообще нет магии, души, либо, если они все-таки есть, они рано или поздно станут материально объяснимы.

Восточный общественный материализм предполагает нечто совсем иное: он предполагает, что нет никакой справедливости выше человека земного, делая государственную власть материальным воплощением божества или, если посмотреть с другой стороны, сводя функции божества к роли символа государственной власти.

С этой точки зрения конфуцианцы, по сути, были первыми экстремальными материалистами. Марксизм, как известно, также является философией материализма.

При материализме типа западного что происходит, если светская власть, которая существует независимо от божества (ге: отделение церкви от государства), не знает ответа на волнующие людей вопросы? Людям советуют заниматься образованием и наукой, дабы самостоятельно найти ответы на эти вопросы и предложить научные рецепты решения проблем власти, которая, в конечном счете, выступит в качестве арбитра в рамках правовых, а в тех, по возможности редких случаях,

когда это совсем невозможно, право-моральных.

При материализме типа восточного что происходит, если власть, которая становится воплощением божества, не знает ответа на волнующие людей вопросы? Людям предписывают прекратить задавать вопросы, а в худшем счете продолжающих задавать вопросы репрессируют. Это мы точно проходили.

Ре: Иосиф Бродский «Еврейское кладбище около Ленинграда», 1958: «Но сначала платили налоги, уважали пристава, и в этом мире, безвыходно материальном, толковали Талмуд, оставаясь идеалистами».

В случае Китая сейчас марксизм, ставший здесь своего рода апгрейдом конфуцианства, то есть официальной философией чиновничества, выступает в качестве научного материализма, а таоизм (и любые другие религиозные направления, буддизм, даже христианство и т.п.) выступает в качестве духовного направления, призванного помогать людям справляться с теми вопросами, которые пока неподвластны науке, *а также позволяет удовлетворять духовные потребности большинства населения, которое не имеет необходимого уровня образования, чтобы иметь доступ к дискурсу научному.*

Организация духовной жизни и вопрос о «духовном лидере»

Китай трепетно относится к вопросу распространения христианства, так как если таоизм, являясь по сути языческим анимизмом, допускает одновременное следование другим религиям, то христианство этого не допускает.

Более того, группы христианства, такие как католицизм, связаны с зарубежными представителями власти: поэтому Китай создал свой вариант католицизма, не подвластный Папе Римскому.

Организация духовной жизни в традиционной восточно-азиатской

культуре строится на личной лояльности духовному лидеру, который обычно именуется «мастером» и собирает «последователей».

Таких «мастеров», однако, существует великое множество: среди них, в отличие от чиновников-конфуцианцев, нет иерархической организации, наподобие христианской церковной. Любой человек, как показывает пример нашего знакомого, назовем его Ил Нэчси, получившего образование в Великобритании и ставшего «сямэньским таоистом в миру», может объявить себя мастером, главное, чтобы у него получалось собирать последователей.

Зачастую мастер зависит от своих последователей материально, поэтому, разумеется, он поощряет лояльность и не поощряет переход к другому мастеру. Однако такой переход возможен. Также возможно «отделиться» от мастера, если ученик полагает, что он решил для себя те вопросы, которые привели его к этому мастеру.

Восточные религии (таоизм, буддизм) полностью допускают самостоятельный духовный поиск: можно ни к какому мастеру не обращаться.

Допускается, естественно, и полный материализм: можно вообще ни к какой религии не принадлежать.

Главное, чтобы как сами «мастера», так и их последователи, а также все, кто решил остаться «независимыми», не бросали явный вызов власти и обществу.

Для сравнения: в традиционном христианстве отделение прихожанина от церкви, которое называлось «отлучением», могло иметь место только по инициативе церкви и являлось наказанием. Самостоятельный духовный поиск не поощрялся. Как уже отмечалось, в частности, Максом Вебером, протестантизм, допустивший самостоятельный духовный поиск, видимо, сильно

способствовал развитию бизнеса и научному прорыву.

В китайском доме зачастую на одной и той же полке стоят образы Будды и Мао Цзэдуна (это божества человеческие), а отдельный алтарь существует для божеств символических (например, Кухонный Бог Сытого Пуза или что-нибудь в этом роде). Разграничение, видимо, происходит именно по этому принципу, божества-люди, с одной стороны, божества-понятия, с другой.

Также как любой человек, получив признание последователей, может стать «мастером», также любой человек, получив признание, может потенциально стать «святым», «божеством» и т.п. (в Японии это называют «культом предков», в Китае относятся проще), но независимо от них существует языческий пантеон богов-концептов. Примерно то же было в Древней Греции: выше упомянутое разграничение между богами и героями.

Уязвимость такой системы — это когда еще живущий представитель власти становится богом: такая ситуация, как известно, называется культом личности.

С точки зрения теории символизма все это совершенно понятно: например, когда мы решали, как назвать наш класс в Национальной школе администрации Франции, то я была сторонником названия-концепта, но коллегами был сделан выбор в сторону имени человека, министра иностранных дел Франции, поэтому мы назвались «Класс Аристид Бриан», а вот класс наших предшественников сделал выбор в сторону концепта, и они называются — «Класс Республика».

Ну и улицу ведь можно назвать «Третьей улицей Строителей» (концепт), а можно назвать ее улицей Рихарда Зорге. (Примечание: именно на этой улице находится издательство «Эксмо»...)

Литература

1. *Секст Эмпирик*. Сочинения в двух томах. — Т. 1. — Вступит. статья и пер. с древнегреч. А.Ф. Лосева. — М.: Мысль, 1975. — 399 с.
2. *Kim Hoon*. Le Chant des Cordes. La Corée à l'Honneur, traduit du coréen par Han Yumi et Hervé Péjaudier. Editions «Gallimard», 2012.